ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И.Г. БУЛЕ*

А.М. Хлопников

Вопрос о том, какое место занимает И.Г. Буле в философии первой четверти XVIII в., не такой простой, как это может показаться на первый взгляд. Разумеется, можно воспользоваться готовыми оценками (и, действительно, с их помощью я попытаюсь скорректировать свое мнение в конце статьи), однако здесь необходимо осветить ряд принципиальных моментов, от которых, как мне представляется, может выиграть любое историко-философское исследование.

Начну с того, что наследие Буле, в отличие, скажем, от Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, или, если брать современных ему отечественных мыслителей, – Радищева, Попугаева, Пнина, того же Муравьева, изучено крайне мало. В мои руки не попало не то чтобы монографии, но даже отдельной статьи, где бы творчество Буле было освещено хотя бы с одной из его многогранных сторон.

В связи со сказанным чрезвычайно важна прежде всего проблема источников. Буле, как известно, был не только глубоким эрудитом, но и крайне плодовитым писателем, оставившим после себя многие тома сочинений, статьи, рецензии, эссе. Для меня разумеется, наиболее значимы труды, которые Буле написал, пребывая в Московском университете. И здесь, отмечу без ложной скромности, что мне удалось добиться немало в ходе исследовательской работы: были выявлены и атрибутированы Буле 53 рецензии и статьи общего содержания из числа помещенных в "Московских ученых ведомостях". В иностранных источниках эти рецензии не упоминаются совершенно, в отечественных же источниках мне удалось выявить лишь намеки на четыре такие рецензии[1].

Статьи в "Московских ученых ведомостях" и "Журнале изящных искусств", которые Буле опубликовал в 1805–1807 гг., как правило, не подписывались. По каким же признакам я посчитал возможным отнести означенные 53 работы к творчеству Буле? Во-первых, под некоторыми

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

из них были проставлены либо сокращения, либо сокращенные анаграммы, иной раз весьма прозрачные. Так, буквосочетание J. Th. (Johann Theophilus Gottlieb) позволяет однозначно атрибутировать ту или иную статью Буле. Из других сокращений, каковыми пользовался Буле, отмечу следующие I, УБ, И-е. Помимо этого, я посчитал возможным с большой долей уверенности утверждать, что Буле – автор целого ряда неподписанных статей, содержание которых (брауншвейгская тематика, темы и обороты, свойственные Буле в подписанных им статьях) красноречиво говорит в пользу моего предположения.

Работа по атрибутированию текстов Буле позволила выявить также имена ближайших его соратников, причем оказалось, что наибольшее количество статей принадлежат перу Кошанского и Льва Цветаева (1777–1835) (Л. Ц-в), Рейнгарда (R-d) и Гольдфарба (G). Заслуги Цветаева заключались в первую очередь в том, что он знакомил слушателей с социальными идеями мыслителей различных эпох, в том числе и современных, подчеркивал роль разума и просвещения в истории человечества, давал более или менее цельное представление о развитии социальной философии и правоведения, обращал внимание на значение французской революции в развитии общественных наук[2].

Цветаев, судя по всему, близко сошелся с Буле, потому что сам Цветаев, как и маститый профессор, был выпускником Геттингенского университета, откуда он приехал в Россию не ранее 1805 г. Цветаева определили на кафедру теории законов. В преподавании молодой ученый стремился сохранить разумное равновесие между доктринами французской энциклопедической школы и новомодными построениями немецкой учености (Гуго, Шлецер).

Итак, одним из основных источников, которыми я пользовался при написании этой статьи, стали 53 статьи Буле, фактически впервые введенные мной в научный оборот. При всем том я, конечно же, не ставил себе задачу ограничить свое исследование только этими статьями, хотя другие материалы я и привлекал лишь по мере возможности. (Добавлю, что философское наследие Буле настолько обширно и настолько же малоизучено, что могло бы послужить поводом для написания нескольких кандидатских, а, быть может, и докторских диссертаций.)

Приведем здесь названия основных работ Буле, которые в той или иной степени были использованы при написании статьи:

De antiquissimis delineationibus geographicis adhuc notis terratum Russicarum // Catalogus praelectionum in Universitate litterarum Caesarea Mosquensi. A d. XVII aug. a. MDCCCIX ad XXVIII jun. a. MDCCCX. Mosquae, 1810;

De antiquissima pictura russica, in primis de tabulis pictis Capponianis, hodie Romae in bibliotheca Vaticana asservatis, nonnulisque aliis S. Orthodoxae Ecclesiae graeco-russicae veteribus Menologiis artificio picturae insignibus. M., 1808;

De optima ratione, qua historia populorum, qui ante seaculum nonum terras nunc imperio Russico subjectas praesertim meridionales, inhabitasse aut

pertransiisse feruntur, condi posse videatur. Oratio in anniversariis solemnibus inaugurationis Universitatis Caesareae litteratum Mosquensis. Mosquae, 1806;

Versuch einer kritischen Litteratur der russischen Geschichte. M., 1810. Th. 1. Litteratur der alteren allgemeinen russischen Geschichte.

Названные три статьи сравнительно небольшого объема и монография, к сожалению, оставшаяся незавершенной, образуют корпус исторических сочинений Буле. Другим важным кругом источников, по всей вероятности, могли стать университетские лекции геттингенского профессора, но они, к несчастью, не сохранились, вернее сохранились в виде кратких отчетов, которые мною в дальнейшем, ясности ради, будут рассматриваться как обычные статьи. Отсутствие университетских лекций, впрочем, не должно обескураживать философов, поскольку известно, что они строились Буле на основе своих собственных сочинений по истории философии, которые сохранились до нашего времени в виде книг. Рассмотрим теперь корпус историко-философских сочинений Буле. Сюда в первую очередь относятся два издания, а именно:

Geschichte der neueren Philosophie seit der Epoche der Wiederherstellung der Wissenschaften. – Bd. 1–6. – Gottingen,1800–1804; Франц. пер.: Histoire de la philosophie moderne, depuis la renaissance des lettres jusqu'a Kant / Tr. par A. J.L. Jourdan. P.: Fournier, 1816; существует также итал. пер. 1823 г., выполненный Ланчетти.

Lehrbuch der Geschichte der Philosophie und einer kritischen Litteratur derselben. Gottingen, 1796–1804. Bd. 1–8.

При работе над этой статьей я, как правило, пользовался первым изданием, стяжавшим себе общеевропейскую известность чуть ли не сразу же по выходе в свет. Как видим, историко-философские штудии Буле заняли собой четырнадцать объемистых томов. Интереса ради я попытался представить их объем согласно современным типографским нормам, так вот, получилось, что только по истории философии – и это не считая статей – Буле написал труд в 500 авторских листов. Откровенно признаюсь, здесь я столкнулся с поразительным образчиком человеческой работоспособности.

Третий разряд источников, в нашей статье использовавшихся крайне редко, представляет собой филологические штудии Буле, а также те издания, которые вышли в свет под редакцией профессора Московского университета. Полноты ради приведу наиболее значительные из них:

Des Nonnos Hymnos und Nikaa. Eine Beylage zy des Professors Grafe deutschmetrischer Ubersetzung dieses Gedichtes. SPb., 1913;

Arati Solensis phaenomena et diosemea graece et latine / Recensuit Chr. Aug. Buhle. Vol. I–II; (В отечественных библиотеках экземпляр с поэмами эллинистического поэта Арата мною обнаружен не был.);

Aristoteles über die Kunst der Poesie. B., 1798;

Aristotelis opera omnia / Graece ad optimorum exemplarum fidem recensuit, annotationem criticam, librorum argumenta et novam versionem latinam adjecit Joh. Theoph. Buhle. Bipontii, 1791–1804. Vol. I–V.; Argentorati, 1799–1800.

Horatii Flacci Quinti opera. Mosquae, 1806.

И наконец, четвертый разрыв источников – это многочисленные статьи и рецензии, из которых мною были тщательно изучены относящиеся к московскому периоду творчества Буле, а именно ко времени издания им "Журнала изящных искусств", а также "Московских ученых ведомостей".

Вопрос о том, к какому, собственно, философскому направлению принадлежал Буле, никогда не дискутировался в научной литературе, хотя, как выясняется, он таит в себе немало неожиданностей. Во всех справочных изданиях Буле причисляют к кантианцам. Определение это, по-видимому, опирается как на свидетельство самого Буле, так и на сильную кантианскую традицию, которая, как известно, наличествовала в Геттингене в первой четверти XVIII в.

В отечественной историко-философской литературе, между тем, сложилась менее определенная, но, как постараюсь показать в дальнейшем, более взвешенная характеристика философских воззрений Буле. Так, В. Зеньковский, опираясь на имевшиеся в его распоряжении материалы, предпочитает говорить о "благоразумном идеализме" профессора Московского университета, не вдаваясь в какие-либо уточнения его философской ориентации и замечая только, что Буле "не был слишком фанатическим сторонником трансцендентального идеализма"[3].

Что касается Шпета, то он считает возможным отнести Буле к представителям "немецкой просветительной электической философии", иными словами, к берлинским просветителям. Их самыми яркими представителями были Фридрих Николаи, Мозес Мендельсон, Х. Мейнерс и И. Федер[4]. Многие из них, как известно, не приняли новых течений в философии и продолжали хранить верность испытанному вольфианству.

Какое из перечисленных выше мнений представляется наиболее оправданным? Мне кажется, что Буле, особенно в российский период своей творческой деятельности, оставался просветителем в самом широком смысле этого слова, хотя формально и принадлежал кантианцам. Эта формальная принадлежность была необходимой для немецких философов, которые, в отличие, скажем, от французских, не мыслили себя вне пределов какой-либо авторитетной школы. Кроме того, мы не должны забывать, что Буле был историком философии по преимуществу, а не творцом каких-либо новомодных систем, что получили неслыханное распространение в начале XIX столетия. Будучи к тому же преподавателем, Буле в пропедевтических целях склонялся к популярной философии, и здесь он, естественно, не мог пройти мимо трудов берлинских просветителей.

Сказанное выше находит свое подтверждение, в частности, в известном труде К. Розенкранца "История кантовской философии". Розенкранц, в целом причисляя Буле к адептам кенигсберского мыслителя, все-таки говорит о его кантианстве с необходимыми оговорками, называя нашего профессора "историческим эклектиком". Мнение Розенкранца представляется мне настолько ценным, что я считаю необходимым привести его целиком.

"Буле... аристотелизирующий кантианец, человек отнюдь не часто-

любивый. Он с огромным трудолюбием делал выписки из книг, хранящихся в сокровищнице Геттингенской библиотеки, и потому заслуживает великого уважения, ведь теперь нет ни малейшей необходимости ехать в Геттинген, коль скоро возникнет желание ознакомиться с какой-нибудь философской редкостью, особенно времен позднего средневековья... [Сочинения] Буле – полезны, им можно доверять всецело. Книги эти, помимо прочего, снабжены регистром персоналий и обсуждаемых предметов. В цитировании Буле достиг определенного мастерства; его голая фактология, объективность, которая нередко кажется довольно-таки неуклюжей, все-таки выглядят предпочтительней в сравнении с другими работами, где претенциозная оригинальность изложения порой извращает истину..."[5] Розенкранц причисляет Буле к ряду таких мыслителей как Й. Шульце, Хр. Я. Краус, С. Маймон, Й.Г. Кизеветтер, Й.Б. Эрхард, Л.Х. фон Якоб, Й.Х. Тифтрунк, И. фон Борн, В.Т. Круг, К.Х. Хайденрайх, К.Х. Шмид, В.Г. Теннеманн, Ф.В. Снелль, С. Мутшелле, Г.У. Брастбергер и Л. Бендавид.

Буле, находясь на посту профессора Московского университета, не желал чрезмерно утомлять своих слушателей тонкостями идеалистических систем, вероятно, и из пропедевтических соображений. Студент, по его мнению, сначала должен был овладеть началами философии, а уже затем, по собственной воле, мог бы причислить себя к какой-либо философской школе. В России, где к началу XIX столетия еще не сложились развитые философские школы, подобная точка зрения доминировала на протяжении длительного времени, о чем, в частности, свидетельствуют взгляды директора Педагогического института П. Лодия: "В противовес... умозрительному философствованию... нужно обозревать и научаться природе, не приступая еще к суждению о ее законах; философ должен изыскивать человека как разумное существо... привыкать мыслить через математические науки. Отсюда и предметы, которые следует изучать еще до вступления в философию – естественная история, физика, медицинская антропология, всемирная история, энциклопедия наук. Самое же философию всего удобнее начать с эмпирической психологии, эстетики и логики, а потом перейти к метафизике... Как видим, ничего ни кантианского, ни фихтеанского, ни шеллингианского не рекомендовалось изучать... ни критик разума, ни наукоучения, ни натурфилософии, ни трансцендентального идеализма. Все понимание философии базируется на традиционных деистических установках..."[6]

К сказанному остается добавить, что Буле, судя по его многочисленным высказываниям, стоял на позициях теизма[7].

В философском плане данное обстоятельство, конечно же, представляет определенный интерес, хотя наиболее ярко теистическая ориентация профессора Московского университета сказалась в его статьях, преимущественно на нравственно-политические темы, но не в собственно философских работах ученого. Ввиду некоторой расплывчатости, неизменно сопровождающей расхожие определения понятия "теизм", позволю себе остановиться на названном предмете несколько подробнее.

Итак, в случае с Буле мы имеем дело с объективно-идеалистической, теистической системой взглядов, следуя которой Бог рассматривается как высшее, сверхъестественное существо, верховный объект религиозного (православного или же протестантского) культа. Бог, по мнению Буле, есть "наивысшее из сущих", "абсолют", первопричина мира, высшее единое начало, обладающее мышлением и волей. Бог не может являться предметом опыта, он абсолютно "трансцендентен", хотя и вера в Бога существует в непосредственном жизненном опыте, обусловливаясь определенными душевными потребностями.

Природа Бога такова, что любое о Нем высказывание не исчерпывает Его абсолютной сущности, ибо Бога способен познать только Бог; люди же, будучи по своей природе созданиями конечными, могут судить о Боге лишь со своей конечной точки зрения, а не с точки зрения вечности. Категории рассудочного мышления не способны уловить "сверхбытие" абсолюта, возвышающегося над всеми отношениями и определенностями. В силу этого Бог не может рассматриваться как высшее проявление существующего, ибо он есть всеединство, возвышающееся над противоречием субъекта и объекта, природы и конечного духа, нумерического единства и множества. Его следует мыслить не как временную первопричину, но как высшее, вневременное основание мира, причем Бог различен и отличается от мира, понимаемого как целокупность отдельных вещей. Он открывается в их всеобщности как вневременная, положительная бесконечность, вечная мировая воля, обнимающая собой отдельные воли, противостоящие друг другу и сливающиеся воедино только в высшем единстве.

Во времена Буле аксиологическое значение категории "Бог" было чрезвычайно велико. Бог и человеческая душа представляли собой абсолютную ценность, при относительной ценности природы. Таково, в общих чертах, понимание идеи Бога в статьях профессора Московского университета Буле.

В завершение этой статьи скажу несколько слов о так называемом берлинском просвещении, к которому, как мне кажется, тяготел Буле, несмотря на свою кантианскую ориентацию. Видный отечественный исследователь немецкой философии XVIII в. В.А. Жучков придерживается по этому поводу следующего мнения: «Для развития философской мысли в Германии в середине–второй половине XVIII в. было характерно все более тесное ее сближение и взаимопроникновение с просветительской мыслью и литературой... Это в конечном итоге привело к возникновению так называемой популярной философии позднего Просвещения – довольно поверхностного и весьма эклектичного, но вместе с тем наиболее заметного течения в русле немецкого просветительского движения. Несмотря на свое в целом упрощенное отношение к традиционной метафизике и другим направлениям философии нового времени, представители "популярной философии" внесли вклад в процесс общекультурного, научного и даже общекультурного образования соотечественников. В связи с этим необходимо отметить деятельность М. Мендельсона, а также известного книгоиздателя, инициа-

тора издания многотомной "Всеобщей немецкой библиотеки"... Х.Ф. Николаи, его многочисленных соратников и сотрудников, чье прозвище "николаиты" стало синонимом понятия "просветитель". Их важной заслугой было издание многочисленных журналов, просветительских и научно-популярных ежемесячников, в которых пропагандировались новые данные и открытия в области естественных наук, а также истории, антропологии, педагогики»[8].

Берлин в отличие от других городов Германии, сфокусировал в себе все лучи немецкого Просвещения. Если в Галле занимались по преимуществу схоластикой и систематикой, в Лейпциге – книгоиздательством и тесно связанной с ним публицистикой на острые социальные темы, в Гамбурге – ученым супранатурализмом и натурализмом, то Берлин собрал воедино все эти направления. Выгодное положение Берлина среди других городов Германии сложилось во многом благодаря прусскому королю Фридриху II, горячему поклоннику французской философии и ревнителю свободомыслия. Фридрих восстановил в прежнем блеске Академию наук, пришедшую в упадок во время правления его отца. Вокруг этой Академии и собрались мыслители, сделавшие немало для того, чтобы просветительские идеи распространились среди всех слоев немецкого общества.

В дополнение к приведенным выше словам Жучкова упомянем имена других берлинских просветителей, работавших вместе с Николаи и Мендельсоном на благородной ниве бескорыстного просветительства. По приглашению Фридриха в Берлин из Геттингена приехал известный географ Бюшинг. В Геттингене его "принижали" по причинам религиозного порядка, в Берлине же Бюшинг был назначен на престижный пост директора гимназии. Из числа протестантских проповедников просветительские взгляды разделяли видные служители протестантской церкви, такие как Цельнер и Теллер. Крупным историком философии в плеяде просветителей считался Формей, Бегелин занимался проблемами философии истории. В конце XVIII в. стало очевидно, что практикуемые методы и формы воспитания подрастающего поколения более не отвечают растущим потребностям эпохи – педагогическая реформа встала на повестку дня. Так вот, активную деятельность в этом направлении в Берлине развили Гедике, Кампе и Резевитц. Библиотекарь Бистер основал ведущий печатный орган берлинских просветителей "Berliner Monatsschrift", на страницах которого часто печатался Кант. Зульцер занимался теоретическими вопросами эстетики, тогда как директор театра Энгель, – которому, кстати сказать, Буле посвятил отдельную сочувственную статью в "Московских ученых ведомостях", – воплощал свои эстетические идеи на практике, и не без успеха. В директорство Энгеля берлинские театры переживали период расцвета. Сочинение Энгеля, посвященное мимическому искусству, встретило теплый прием среди признанных знатоков различных театральных жанров. Помимо эстетических штудий, Энгель занимался и популяризацией философии. Собрав свои разрозненные очерки, рецензии и эссе, Энгель дал им общее название "Der Philosoph fur die Welt" ("Философ для мира"). Между прочим, во второй части этого

сборника Энгель поместил статью Канта о различных человеческих расах. В глазах Энгеля Кант уже выглядел классиком.

В заключение отмечу, что идеи немецкого Просвещения, проводником которых был профессор Московского университета Буле, не теряли своей актуальности и в условиях российской действительности. Стремление к истине и правде, желание гармонизировать нелегкие социальные отношения, попытки придать больший вес набирающему силы общественному мнению, все это, повторяю, было актуально и для России первой четверти XVIII столетия.

[1] *Зубов В.П.* Историография естествознания в России. М., 1959. С. 137.
[2] История философской мысли в МГУ. М., 1982. С. 25.
[3] *Зеньковский В.В.* История русской философии. Париж, 1989. Т. 1. С. 125.
[4] *Шпет Г.Г.* История русской философии // Сочинения. М., 1987. С. 101.
[5] *Rosenkranz K.* Geschichte der Kant'schen Philosophie. B., 1987. S. 262.
[6] Цит. по: *Каменский З.А.* А.И. Галич. М., 1995. С. 25.
[7] Московские ученые ведомости. 1805. С. 28, 153, 281.
[8] *Жучков В.А.* Философия немецкого просвещения // История философии. Запад–Россия–Восток. М., 1996. Кн. 2. С. 297.

ФИЛОСОФИЯ ВСЕЕДИНСТВА КАРСАВИНА И КОНЦЕПЦИЯ ЕДИНОГО У ПЛОТИНА

Ю. Мелих

I

Лев Платонович Карсавин уже перестал быть великим неизвестным в русской философии и встал в первый ряд с теми мыслителями, которых называют сразу, на одном дыхании. И когда мы слышим имена В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Франка, П. Флоренского, в сознании ассоциативно всплывают понятия "Всеединство", "Персонализм", "Интуитивизм", "Истина", при имени же Карсавина вспоминается понятие "Личность".

Свойственный русским философам вообще и особенно в тот исторический промежуток времени, в котором суждено было жить Карсавину, интерес к практической, в том числе политической, деятельности присущ ему в высокой степени: он публицист и просветитель, а не только кабинетный ученый.

Оценки творчества Карсавина неоднозначны. Политики упрекают его в скрытой приверженности идеям антилиберализма (В. Кошарный), философы – в софиологическом детерминизме (В. Зеньковский), в порабощении личности (Н. Бердяев) и нелюбви к свободе (С. Хоружий)[1]. Но при этом делаются оговорки о глубине, фундаментальности и многосторонности разработки его концепций, и, если, согласно Г. Флоровскому, пути русского богословия должны определять "патристика – со-